

Встречи

МОСКВА, АРБАТ...

Наш собеседник — Олег ЕФРЕМОВ

Главного режиссера Московского Художественного академического театра Олега Ефремова знают в лицо в каждом доме не только Москвы, где он прожил всю жизнь, но и по всей стране, где есть экраны телевизоров и кинотеатров.

При первой встрече создается впечатление, что в жизни он ведет себя как на сцене или на экране, — так же смеется, так же разговаривает. А говорили мы о том, что составляет суть его биографии, — о месте рождения, родителей, о детстве, юности, учебе, об обстоятельствах жизни, которые привели его сначала к руководству «Современником», а последние пятнадцать лет — МХАТом. И о чем бы мы ни упоминали, касались Москвы, потому что у Ефремова все важное в жизни и творчестве связано с ней. Она его породила, воспитала, признала. Вот почему он говорит о ней так:

— Москву люблю осознанно, постоянно вспоминаю переулки и улицы, где родился, рос, прошло детство и юность. И туда я так или иначе постоянно возвращаюсь: в прямом смысле — физически и в переносном — в мыслях и воспоминаниях.

С годами появляется тяга к прошлому. Мое прошлое — на Арбате. С ним связаны ценности культуры, периоды жизни, то, чего, быть может, сейчас не хва-

тает. — события, время, люди, ушедший стиль, которые меня задевают и волнуют... Вот поэтому прошлое дорого и близко.

— Где вы родились?

— На перекрестке как раз Гагаринского и Староконовского переулков. Это предреволюционный дом, построенный домовладельцем, неким Коровным. Его дома разбросаны и по другим арбатским переулкам. Весь этот объем Москвы — от набережной — Арбат, Вороского, до улицы Герцена — мне родной и близкий, в нем многое переплелось — и в жизни, и в нашей культуре, вот, наверно, в чем дело. Из бульваров особенно дорог Гоголевский. Памятник Гоголю, тот, где он сидит, весь исползан, изучен со всех сторон, все барельефы врезались в память, не забуду их и на том свете, потому что меня сюда водили гулять с года.

— Какой номер вашего арбатского дома, не забыли?

— Нет, четырнадцать дробь пять. Четырнадцать — по Гагаринскому — теперь улица Рылеева, пять — по Староконовскому.

Поступил я в девятую тогда школу, бывшую медведниковскую гимназию в Староконовском переулке, она и сейчас на месте, ее я и заканчивал, но тогда у нее уже был номер 59. В этой школе одно время учился до шестого класса, потом мы

уехали в эвакуацию на север и там пробыли года три.

Что же касается театра, то вроде бы ничего такого не было предопределяющего. Отец мой — экономист. Я по сути рос единственным ребенком, старший мой брат недолго пожил. Занимали мы одну комнату в коммунальной квартире. И так случилось, что сосед — старше меня на два года — попал в один класс с племянником артиста Художественного театра Константины Бабанина. После революции подселили его по уплотнению в особняк к Василию Лужскому, одному из корифеев, основателей Художественного театра, крупнейшему если не актеру, то деятелю театра: режиссеру, заведующему труппой. Его особняк стоял в Малом Власьевском переулке, напротив диспансера, теперь там новые дома. А был особняк, причем построен чуть ли не Шехтелем, в стиле модерн, очень красивый: рядом рос громадный сад, яблони, вишни. Чтобы пройти сюда, нужно было звонить, долго ждать, потом раздавался лай, и наконец открывали калитку...

И вот мой сосед Вадим Юрасов (он погиб на войне, как только попал на фронт) и привел меня в этот сад, точнее, к своему другу — племяннику Константина Бабанина, жившему в особняке, где и дядя. Тогда здоровствовалась еще вдова Луж-

ского, незабвенная Перепетуга Александровна. Дети любят живые игры, а в особняке царил покой, особый мир. Старуха, такая величавая, с высокой седой прической, с редкостным именем Перепетуга, или, как ее звали еще, Перета Александровна... Она иногда обращала на меня внимание, бывало, посадит рядом, поговорит, что-то расскажет. В этот сад, особняк приходили к ней первые «старички» Художественного театра, его корифеи, основатели. Я их видел. Тогда, конечно, это никак не оценивал, как не оценивал и мгновения, когда, будучи уже постарше, с Сережкой, пасынком Михаила Афанасьевича Булгакова, забегал на его квартиру. У нас были тогда другие дела, другие интересы, и все же...

В этом особняке жил и мой сверстник Сашка — внук Лужского и сын актера МХАТа Евгения Калужского. Вот Сашка этот явно по наследству должен был быть обязательно артистом. Он и пошел в театральную студию Дома пионеров, что помещался также в нашем Малом Власьевском переулке, в небольшом домике. И меня повел в эту студию. И я пошел...

Да, вот еще вспомнил такой эпизод. С братом двоюродным, он тоже стал режиссером театра, мы занимались кукольным театром, домашним. Участвовали с ним в смотрах, даже играли

однажды в рабочем клубе Горбунова, в том, что у Киевского вокзала. Этим театром мы увлеклись, потому что была у нас старая ширма, ее мы и приспособили для спектакля, брат был художником, делали мы с ним куклы... А Сашка Калужский притащил вот меня в Дом пионеров. Вместе с ним мы поступали и в Школу-студию МХАТа.

Но с шести лет МХАТ как таковой уже вошел в мое сознание — еще до того, как побывал в самом театре. У особняка Лужского архитектура, фурнитура, квадратные ручки дверей, витражи на окнах и другие детали были в стиле точно таким, как у здания МХАТа, возможно, обе постройки делал один архитектор. И вот таким образом с детства МХАТ входил в мои представления: через архитектуру, стиль, мир жизни обитателей особняка... Но и в 18 лет я еще не знал, примут меня или нет в Школу-студию МХАТа. Не было у меня даже такого особого желания, чтобы обязательно попасть в театр... Во время войны несколько раз писал заявления, мечтал поступить в спецшколу военно-морскую, очень хотел стать моряком.

Заканчивая школу, мы с Сашкой Калужским и Лешей Корнеевым, он сейчас кинорежиссер, на всякий случай поступили на подготовительное отделение Института стали. Когда «Сталеваров» ставили, пришел на «Серп и молот» и встречаю вдруг знакомого, начальника цеха, мы с ним учились на подготовительном. Мог и я стать сталелитейщиком...

Но в мае, еще до начала экзаменов в институтах, меня приняли в Школу-студию МХАТа. Тогда это торжественно обставлялось. Был третий год существования этой студии, все мхатовцы сидели в экзаменационной комиссии, председательствовал Хмелев, он тогда руководил театром, конкурс намного превосходил нынешний. Как помнится, человек пятьсот претендовало на одно место...

Что было дальше — уже не раз писалось, это нужно говорить об истории «Современника»...

— Вернемся к современности...

— Здесь что хотелось бы сказать. Сейчас, как все знают, мы занимаемся реконструкцией старого здания, которое проектировал известный мастер Федор Шехтель. Его архитектура, я уже говорил, поразила меня с первых лет жизни — еще в Малом Власьевском переулке, в особняке Лужского. Она дала импульс к творчеству. Не только театр, литература, музыка влияют на нас, но и архитектура, вот что хотелось бы подчеркнуть! Да, нужно беречь старый Арбат.

Мы храним архитектуру МХАТа, его интерьеры, кресла. Хотим их реставрировать, хотя говорят, что они тесные. Мне дороже, когда зрители будут касаться локтями друг друга, чем восседать на современных диванах-креслах. В старом Художественном — во всем — свой большой смысл. Да, есть Большая, там золото, бархат красный. Художественный театр замешивался на ином: какой-то со-

средоточенности — на Чехове, Горьком, Станиславский и Немирович хотели создать особую атмосферу и в зале, и в фойе, скромную, но волнующую. Не просто увеселение. Они на искусство свое иначе глядели и хотели приучать зрителей к этому. Зрительская часть старого здания сохранится, как прежде, гардероб разместится в подвале. Цвет везде будет точно такой, как у Шехтеля. Все время театр в контакте с архитектором-реставратором Красильниковым.

Когда отреставрируем старое здание, а затем филиал на улице Москвина, наше новое здание на Тверском бульваре вернем Москве. Его габариты — не для драматического театра такого рода, как МХАТ. Пусть там играет оперетта.

В театре самое главное — общение со зрителем. В нем уникальность, вечность этого искусства. Когда-нибудь мы научно зарегистрируем, на чем основана эта духовная связь. Возможно, от актера со сцены к зрителю в зале доносится какая-то волна, она-то, мы считаем, теряется в большом зале, затухает где-то уже в шестнадцатом ряду...

— Новую театральную студию не замышляете?

— Нет...

— Долго ли продлится реконструкция старого здания?

— Сценическую часть уже разрезали, отодвинули, сделали приямок для нового оборудования, работы еще много. Года через три приглашаю на премьеру — по старому адресу.

А пока спешу на Тверской бульвар...

Лев КОЛОДНЫЙ.